

УДК 811.161.1

**АВТОРСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «МЕЧТА»
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА
КАК ЛЕЙТМОТИВ ИДИОСТИЛЯ ПОЭТА**

© *Шляхова Галина Игоревна*

аспирант,

Литературный институт имени А. М. Горького

123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25

E-mail: galine_24@mail.ru

В работе представлен анализ употребления лексемы «мечта» в поэзии Игоря-Северянина. Данное слово выступает в творчестве эгофутуриста одним из лейтмотивных, смыслообразующих элементов. Частотность его употребления в поэтических текстах Северянина на несколько порядков выше, чем в современном русском языке, что позволяет говорить о его особой роли. Кроме того, сопоставление контекстуальных значений лексемы со словарными показывает, как в стихотворениях художественный образ наполняется новыми смыслами, расширяя семантическое поле слова. Это наглядно демонстрируют приведённые в статье примеры из авторских текстов. Лексема «мечта» представляет собой ключ к пониманию идиостиля Игоря-Северянина и его авторского мировоззрения как основоположника литературного течения эгофутуризма, которому свойственно эстетизировать действительность, противопоставляя ей воображение человека.

Ключевые слова: лексика; семантика; идиостиль; слова ментальной сферы; Игорь-Северянин; лексема «мечта»; частотный анализ; семантическое поле; лингвопоэтика; язык художественной литературы.

В начале XX века, когда общество претерпевало множество перемен, а многие деятели искусства видели свою задачу в содействии социальным преобразованиям, Игорь Северянин и концепция его эгофутуристической школы поэзии оставались несколько в стороне от этих тенденций. Внутреннее состояние души, мир мечты занимают в творчестве автора большее место, чем злободневные события реальной жизни.

Игорь-Северянин, без сомнения, имеет непосредственное отношение к футуризму, но находится на его периферии. Поэзия Северянина эпатажная, но эпатаж этот иного характера. Если футуристы отказываются от внешней «красивости» стиха, огрубляют поэтический слог, вводят «низкую» лексику, то Северянин абсолютизирует эстетику, приукрашивает видимый мир и этим бросает вызов общественному мнению и вкусу. Северянин расширяет словарь за счёт своих авторских неологизмов (эта лексика представлена в специальном словаре [4]); большинство его стихов и поэм изобилуют изысканными и изощренными словесными новообразованиями. Мелодизм звучания стихотворной речи, достигаемый путём применения приёмов звукописи, — явная и характерная черта творческой манеры поэта. Северянин по-своему осмысливает положения футуристического манифеста и оказывается в некоторой оппозиции футуристам, которых раздражала подчёркнутая красота и мелодичность северянинского стиха. Если кубофутуристы «болели» за социальную революцию и содействовали её осуществлению силами искусства, то эгофутурист Северянин, напротив, искал в поэзии, оторванной от реальности, укрытие и спасение. Он отрицал пошлую, обыденную действительность (в первую очередь этот протест касался области бытовой, индивидуальной человеческой жизни) и противопоставлял ей художественно преображённую сферу поэтического «я» («эго»). Бескомпромиссное

служению слову, своеобразная эстетическая гордыня, даже эстетический максимализм — отличительные черты поэзии Северянина.

Эти идейные постулаты «северянинской» лирики отображаются и в поэтическом словаре автора: в выборе лексики и в её семантических изменениях в определённых контекстах. При изучении стихотворных текстов Игоря-Северянина обращает на себя внимание особое употребление лексем ментальной сферы, явно доминирующее положение занимают формы слова «мечта». При сопоставлении с частотностью употребления леммы «мечта» в современном русском языке становится очевидным её количественное преобладание в стихотворениях Игоря-Северянина. Так, «мечта» в современном частотном списке лемм имеет порядковый номер 2 086 ($ipm = 57$; коэффициент ipm — instances per million words указывает на частоту на миллион словоформ, т.е. на миллион словоупотреблений «мечты»). У Северянина из 18 сборников и 5 поэм, входящих в Полное собрание сочинений, ни один сборник и ни одна поэма не обходятся без употребления — чаще всего многократного — данной лексемы. Показательно, что в одном только сборнике «Громокипящий кубок» (*здесь и далее — цит. по [3]*) общим объёмом около 15 тыс. слов слово «мечта» и его производные встречаются 45 раз. То есть значительно превышена её частотность в лексиконе поэта по сравнению с частотностью в языке в целом. (Сопоставление имеет некоторую погрешность, так как частотный словарь отражает современное состояние языка, тогда как Игорь-Северянин писал свои произведения в начале XX века, однако общая тенденция употребления лексемы «мечта» всё же сохраняется.)

Стоит отметить стабильность присутствия лексемы в процессе эволюции творчества поэта. В первом сборнике Северянина «Громокипящий кубок», как уже было отмечено, «мечта» употребляется 45 раз, в примерно равном ему по объёму более позднем сборнике «Классические розы» число использования словоформ «мечта» составляет 49. Аналогичное явление мы наблюдаем и при сравнении двух других равных по объёму сборников разных периодов — «Ананасы в шампанском» и «Тост безответный». В первом из них лексема употреблена 23 раза, во втором — 25.

При обращении к семантическому наполнению, изменению и расширению данной лексемы в авторском употреблении Игоря-Северянина в качестве отправной точки анализа важно определить узуальное значение слова. «Мечта» представляет собой абстрактное понятие, лежащее в пределах ментальной сферы.

Лексема «мечта» фиксируется словарями уже в ранней древнерусской письменности (начиная с XII века), широко представлена в памятниках древнерусского языка различных жанров и разной территориальной принадлежности [5, с. 100–101; 6, с. 135–136; 1; 2].

В Словаре современного русского литературного языка (БАС) [7, с. 946] представлены следующие толкования:

1. То, что создано воображением, фантазией.
2. Желание, стремление.
3. Предмет желаний и стремлений; мысленный образ чего-либо желаемого.
4. То же, что мечтание (в 1-м знач.). (То есть действие по значению глагола «мечтать»).

Отметим близость всех четырёх толкований, приведённых в данной статье ССРЛЯ.

Поэзии Игоря-Северянина не чуждо узуальное значение лексемы, однако не всегда очевидно, какое именно из словарных значений соответствует тому или иному поэтическому контексту. Так, в стихотворении «Последние зелёные листки» [3, с. 607, сборник «Вервэна»] его употребление соответствует значению 2 из приведённой словарной статьи.

*Что за пламенная мечта, увлекающая, словно даль,
Овладела опять душой?*

Вместе с тем в поэзии Северянина лексема «мечта» обретает новые смыслы и создаёт оригинальные и неожиданные словесные образы.

Интерес представляют произведения, в которых лексема «мечта» носит ярко выраженный лейтмотивный характер. Среди них выделяется стихотворение из сборника «Классические розы», где однокоренное слово вынесено в заглавие: «Я мечтаю» [3, с. 870]. На три катрена приходится восемь употреблений глагола «мечтать». При этом лексический повтор выстроен по принципу градации: в каждом новом контексте раскрываются дополнительные нюансы значения, которыми Северянин наделяет глагол. «Я мечтаю, как истый поэт». Эта строка указывает на неотделимость мечты от поэзии, склонность и способность мечтать выступает здесь характерной чертой типичного поэта. Далее семантика глагола углубляется: «Как вселенский поэт, я мечтаю». Теперь автор подчёркивает универсальность мечты и её мировой масштаб. В конце стихотворного произведения устанавливается национальный характер мечты, возникает ассоциативная связь с патриотизмом и менталитетом:

*Оттого, что я — русский поэт,
Оттого я по-русски мечтаю.*

Тем самым Северянин уточняет, что «мечта» рассматривается как выражение не только внутреннего мира индивида, но и характера всего народа («по-русски мечтаю»), а также искусства в широком смысле («вселенский поэт»).

Впрочем, в творчестве Северянина «мечта» отнюдь не всегда принадлежит человеку (или же народу как поэтически оправданному собирательному образу). Убедимся в этом на примере стихотворения «Вернуть любовь» [3, с. 228, сборник «Ананасы в шампанском»]:

*...зло старается любить,
Или любовь мечтает ненавидеть.*

Глагол «мечтать» в данном случае имеет в качестве субъекта не лицо, а абстрактное чувство.

Оригинальные авторские ассоциации выстраиваются по контексту стихотворения «Закатные облака» [3, с. 950, сборник «Классические розы»]:

Мечты влетают в закаты.

Это стихотворение аллегорично. Понятно, что закат в поэтической речи является одним из традиционных символов мечтательности, и соединение слов с семантикой мечты, во-первых, её усиливает, удваивает, во-вторых, делает авторский образ гармоничным. Если же обратиться к прямому значению лексемы «закат» как времени суток, в которое солнце опускается за горизонт, то происходит перенос мечты из ментальной сферы лирического героя в материальный мир с его природными явлениями.

При анализе цветовых и «физических» (запах, температура и т.п.) ассоциаций, формируемых автором внутри семантического поля «мечты», обнаруживается нанизывание оксюморонов.

Северянин в отдельных текстах наделяет мечту способностью излучать жар и свет, например, в стихотворении из сборника «Громокипящий кубок» «Элементарная соната» [3, с. 27]:

*О, призраки надежды — странной — и сладостной, и страстно-больной,
О, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной!*

Здесь мечта наполнила иссушающим зноем душу человека, и под воздействием её мечтатель просит света.

А увидится с вами я мечтаю весною, бирюзовой весною...

В этой цитате из стихотворения «Это всё для ребёнка» [3, с. 29, сборник

«Громокипящий кубок»] мечта обращена к весне, теплу, яркой зелени, даже солнечному свету (неизбежные ассоциации с традиционным образом весны = тепло, «липкие листочки»), но возникает бирюзовый цвет, относящийся к холодным оттенкам палитры, и этот цвет нарушает гармонию с создавшимися представлениями).

Похожее сочетание противоположностей представлено и в сказке «Душистый горошек» [3, с. 50, сборник «Громокипящий кубок»]:

*И опал ароматный горошек,
Алым снегом мечтаний опал.*

Образ снега, подразумевающий холод, оказывается неоднозначным, потому что мечта оставляет «алый» след, по которому можно «выйти» к предыдущему значению — *зной, жар*. От крайности к крайности, от жары к морозу, от блеска к беспросветной тьме варьируется поэтический образ, создавая новое семантическое поле лексемы.

Северянин применяет приём олицетворения в отношении абстрактного понятия, обозначаемого словом «мечта». «*Вы лжётте мне, мечты!*» — дважды восклицает лирический герой в стихотворении «Её монолог» [3, с. 37, сборник «Громокипящий кубок»], наделяя мечты намерением лгать, следовательно, закрепляя за ними, «оживлёнными» мечтами, право на собственные волю и сознание.

Интерес представляет и по-северянински загадочный пример из стихотворения «То будет впредь» из сборника «Ананасы в шампанском» [3, с. 240].

Он полюбил Мечту, рождённую мечтою.

Употребление в пределах короткой фразы одного и того же слова в качестве имени собственного и нарицательного указывает на двоякое толкование смысла. *Мечта* как стремление души способно вызвать к жизни *Мечту* как образ осязаемый и конкретный (соответствие третьему значению словарной статьи из БАСа).

Кроме того, в этом контексте затронут «жизненный цикл» мечты. Если в приведённом стихотворении упоминается её зарождение, то в ряде других произведений Северянин рассказывает о конечности её существования, о её способности гибнуть: «*Пускай бы погибла мечта!*» [3, с. 54, вселенская поэма «Земля и Солнце», сборник «Громокипящий кубок»], «*В душе — обмершая мечта*» [3, с. 52, «Октябрь», сборник «Громокипящий кубок»], «*Мечта моя, прощай!*» [3, с. 47, «На мотив Фофанова», сборник «Громокипящий кубок»].

Таким образом, значение лексемы «мечта» в авторском использовании в поэтических текстах Игоря Северянина значительно расширяется и обновляется по сравнению со словарным, а разнообразие её употребления соответствует эпатажной творческой манере Северянина, его идиостилю, стилю основоположника школы эгофутуризма.

Литература

1. Иванова М. В. Алфавитно-частотный указатель словоформ «Жития Стефана Пермского». Депонированная рукопись № 24353 от 03.03.1986. М.: ИНИОН, 1986. 864 с.
2. Иванова М.В. К истории взаимодействия «книжного» и «некнижного» в лексике литературного языка на рубеже XIV-XV веков // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова. М., 1995. С.180-186.
3. Игорь Северянин. Полное собрание сочинений в одном томе / сост. М. Петров. М.: Альфа-книга, 2014. 1241 с.
4. Никульцева В. В. Словарь неологизмов Игоря Северянина. М.: Азбуковник, 2008. 380 с.
5. СДР XI-XIV — Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Том V. М., 2002. 647 с.
6. СлРЯ XI-XVII — Словарь русского языка (XI–XVII вв.). Выпуск 9. М.: Наука, 1982.

7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, Т. 6. 1948-1965.

AUTHOR'S USE OF THE LEXEME "DREAM" IN THE TEXTS
OF IGOR-SEVERIANIN AS THE LEITMOTIF OF THE POET'S INDIVIDUAL STYLE

Galina I. Shliakhova

Postgraduate student

Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing

24, Tverskoy Boulevard, 123104 Moscow, Russia

E-mail: galine_24@mail.ru

The report contains the analysis of the lexeme "dream" in Igor-Severianin's poetry. This word is one of leitmotifs and sense-making components of the ego-futurist's literature. The frequency of its use in Severianin's poetic texts is several times higher than is modern Russian language, which allows to notice its particular role.

Moreover, the comparison of contextual and usual (dictionary) meaning shows that in poems the word-picture acquires new senses and expands the semantic field. This is visibly demonstrated by the examples of author's use given in the report. The lexeme "dream" helps to perceive Igor-Severianin's individual style as well as his worldview that reflects principles of ego-futurism, the literary movement aestheticizing reality and bringing human imagination into the foreground.

Keywords: lexis; semantics; individual style; mental sphere words; Igor-Severianin; lexeme "dream"; frequency analysis; semantic field; linguopoetics; language of fiction.